

С.В.Русанова

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ ПИСЬМЕННОЙ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ XVIII В. КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН И ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Проблема обусловленности речевого этикета коммуникативными установками и социальной дифференциацией общества рассматривается в диахроническом аспекте. Расширение диапазона этикетных средств происходит обычно в периоды интенсивного развития языка, изменения условий его функционирования, связанных с кардинальными преобразованиями в государственном устройстве и всех сферах жизнедеятельности общества. Исследуются некоторые особенности формирования и функционирования норм речевого этикета в деловом языке XVIII в., роль которого в жизни общества возрастает в связи с реформами Петра I. Затрагивается вопрос о преемственности и новациях в области делового речевого этикета, совершенствование которого происходит в нескольких направлениях, что приводит к преобразованию нормы, выстраиванию шкалы этикетных языковых средств, маркирующих «горизонтальные» и «вертикальные» официально-деловые отношения.

Ключевые слова: речевой этикет, речевые формулы, деловой язык, деловая коммуникация XVIII в.

Речевой этикет, будучи принятой в той или иной культуре совокупностью требований к форме, содержанию, порядку, характеру и ситуативной уместности высказываний, занимает особое место в языковой коммуникации, является необходимым условием ее успешности. Согласно одному из распространенных определений речевой этикет представляет собой «регулирующие правила речевого / коммуникативного поведения в ситуациях установления, поддержания и размыкания контактов в соответствии с их статусно-ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной обстановке общения» [1]. Это позволяет говорить о речевом этикете как о некоей рамке общения, сигнализирующей об официальных или неофициальных отношениях.

В ряду основных задач речевого этикета называют: помощь в социальной адаптации людей друг к другу, организацию эффективного взаимодействия, создание образа «своего» в данной культуре и ситуации, сдерживание агрессии своего и чужого. Это, с одной стороны, актуализирует многообразие этикетных жанров, таких как приветствие, прощание, извинение, благодарность, поздравление, просьба, утешение, отказ, возражение; с другой стороны, обуславливает богатство синонимичных формул в рамках каждого речевого этикета, выбор которых определяется сферой общения, особенностями коммуникативной ситуации и характером взаимоотношений общающихся.

Присутствуя в повседневной практике любого носителя языка, элементы речевого этикета усваиваются настолько глубоко, что воспринимаются «наивным» языковым сознанием как часть естественного и закономерного поведения людей [2], следовательно, связываются с понятием нормы, которая оказывается социально маркированной. А.Д.Шмелев пишет: «в различных социумах нормы речевого этикета различны: совсем разные нормы используются в армии, в академической среде и жизни церковного прихода» [3].

В то же время, этикет, опирающийся в своей основе на традиции национальной культуры, способен быстро меняться в периоды интенсификации языковых процессов, особенно в сферах общения, которые наиболее подвержены иноязычному влиянию. Так, ученые отмечают активизацию в конце XX — начале XXI в. употребления личного имени без отчества в качестве нейтрального обращения, первоначально получившее широкое распространение в бизнесе, а затем ставшее привычным на телевидении, в других СМИ. «В тех ситуациях, где раньше было принято называть собеседника по имени отчеству, а теперь только по имени, такие имена, как *Маша* или *Володя*, воспринимаются все-таки как чрезмерно контактные (интимные, фамильярные и т.п.), и вместо них используются *Мария* и *Владимир*, что раньше было недопустимо» [4].

Социальная маркированность речевого этикета, высокая степень расхождений между представлениями разных носителей языка о нормах речевого этикета, способность этикета быстро меняться в периоды интенсификации языковых процессов, недостаточная изученность регионального и социального варьирования норм речевого этикета делают актуальным изучение норм и узуса речевого этикета в разные периоды исторического развития русского языка. Как отмечает А.Д.Шмелев, «адекватное описание особенностей русского речевого этикета и его изменений предполагает объективную оценку существующего узуса на фоне узуса предшествующих периодов, а также эксплицитных суждений об этикетных нормах, принадлежащих носителям языка» [3, с. 41].

В связи со сказанным, особенный интерес представляет процесс формирования речевого этикета в деловом языке XVIII в., эпохи «радикального преобразования русской языковой ситуации, захватывающего все уровни русского языка и все сферы его функционирования» [5].

Возникновение этикета как такового и речевого этикета в частности прочно связывается с развитием государства как основной регулирующей и управляющей системы общества. Поэтому реформа государственного управления в первой половине XVIII столетия, создание новых учреждений и

административного аппарата, ориентированного на европейскую модель государственной деятельности, обусловили реформирование делового языка, что закономерно предполагало преобразование речевого этикета.

Элементы речевого этикета оказываются знаками новой культуры делового общения, свидетельствующими о переосмыслении и переоценке границ в иерархическом устройстве общества и демонстрирующими правила социальных взаимодействий людей, неизвестные русской допетровской культуре.

Можно выделить несколько направлений, по которым шло преобразование официально-делового речевого этикета, обусловленное реформами Петра I.

1. Утверждение «Табели о рангах» в 1722 г. [6], введение принципиально другой иерархии служебных и военных чинов и должностей, разработка титулов и усвоение специальных этикетных форм обращения: от «Вашего превосходительства», предназначавшегося чиновникам 1—2 класса, до «Вашего благородия» — при обращении к чиновникам 9—14 классов.

2. Введение в письменную и устную коммуникацию под влиянием европейских языков особого средства выражения вежливости — обращения на *вы* к одному лицу, в частности к вышестоящему по чину. Как известно, в допетровской Руси единственной формой обращения к лицам, независимо от социального статуса, было местоимение *ты*, обычное и в обращении к царю, о чем свидетельствуют стандартные формулы приказных челобитных.

В деловое общение новая форма обращения входит, по всей видимости, в середине девяностых годов XVII в. Согласно данным исследователей, Петр I начинает использовать форму на *вы* в письмах с 1695 г. [7]. Показательны в этом отношении его письма к Федору Матвеевичу Апраксину, свидетельствующие о контаминации традиционных и инновационных этикетных форм обращения. Так, в письме от 5 марта 1694 г. читаем: «Письмо *твое* чрез Михайлу Куроедова мне вручено <...> По сем аз и со товарищи, у работы блочной будучи, много кланяемся. *Здрав буди*» [8]. В письме от 16 апреля 1695 г. уже используются следующие формы: «О замедлении ведомости против вашего письма во истину больше суетами и непрестанным недосужеством, нежели леностию, умедлено <...> Да посылаю я к *вашей милости* книгу и чертеж станов и обозов и боев, которые были под Кожуховым. А присыльные новокрещенные сары здесь приняты в службу. Также по письму *твоему* от Володимера Лвутца все дошло. <...> За сим желаем *вашей милости* от Господа Бога всякаго блага» [8, с. 28-29].

В официально-деловом языке XVIII в. формы на *вы* и на *ты* становятся семиотически значимыми, т.к. маркируют отношения между участниками деловой коммуникации. Приведем для примера фрагменты двух региональных документов — ордера и наставления, адресованных одному лицу — провиант-комиссару селенгинских магазейнов (продовольственных складов). В формуле резолюции ордера от 13 марта 1798 г., представляющего распорядительный документ, применяемый в военно-административной среде и горнозаводском ведомстве [9], отражается модель *ты*-обращения: «При всем том наистрожайше подтвердить чтобы следующие за каждой м[есяц] ведомость присылаемы были в свое время со всякою верностию неотложно; подвергая себя за малейшее упущение строгому по законам взысканию сим *тебе* и предписывается <...> Полковник Келх» [10]. Наставление представляло собой разновидность распорядительной документации иного характера — в нем регламентировались обязанности каких-либо должностных лиц по исполнению чего-либо на длительный период, другими словами, содержались правила или руководства, устанавливающие порядок и способ осуществления этих обязанностей. Этим объясняется и другая форма обращения: «В высочайше опробованным Ея Императорским Величеством о провиантском департаменте докладе в 11^м пункте напечатано чтоб к магазейнам провиантамисары были определяемы благонадежного состояния способны грамоте писать умеющие. из чего и замечается чтоб *вы* должность свою вели по точной силе присяги, а потом и предписывайтесь» [10, с. 22].

3. Преобразование формуляра документов, обслуживающих деловую письменную коммуникацию между звеньями законодательной и исполнительной власти, учреждениями и ведомствами, частными лицами и государственными структурами.

Можно выделить несколько функциональных разновидностей документов, в рамках которых происходило формирование и совершенствование речевого этикета официально-делового общения. В первую очередь следует назвать распорядительные, уведомительные и просительные документы. Этикетно значимым является выражение модальности побуждения, реализующейся в указанных документах в формуле приказа и просьбы. Причем диапазон лингвистических средств, обеспечивающих реализацию этикетной коммуникации, складывается из генетически разнородного материала — книжнославянского и приказного, функционально и семантико-стилистически переосмысленного.

Так, распорядительные жанры маркирует инфинитивная форма выражения приказа, унаследованная из приказного делопроизводства, свойственная как центральным, так и региональным документам. Ср. из сенатского (1720 г.) и регионального (1730 г.) указов: «Для починки и строения пресективной дороги, от Санктпетербурга до реки Волхова, Подполковнику Григорью Зезевитову леса *заготавливать* наемными работными людьми без передачи, как способнее. <...> А те леса, по прежнему их Сенатскому определению, *велеть* рубить <...> без остановки. А на заготовление того леса и на наем работных людей, *отпустить* к нему Зезевитову денег <...> и о том ему Зезевитову в Сенат и в Камор и в Штатс Кантор-Коллегии *репортовать* понеделно» [6, № 3484]; «по указу ея JB Генералного пограничного правления в канцелярии определено к тебе Тренсу *послать* ея JB указ в котором *написать* чтоб тебе вышепомянутого пойманного брацкого *прислать* в

Селенгинск Генерального пограничного правления в канцелярию под крепким караулом для следствия а на Буринско' караул к Дзалан Сангину *послать* доброго толмача <...> а по приеме оных лошаде вышепомянутых брацких вам *освидетельствоват[ь]* <...> и о том Генерального пограничного правления в канцелярию *писать* о всем обстоятельно и опис[ь] лошадям *прислать* немедленно» [10, с. 11].

Особое место в системе документных жанров XVIII в. занимает промемория, введенная в делопроизводство указом 1723 г. Данный жанр связан с утверждением нового речевого этикета, подчеркнуто вежливого стиля речевого взаимодействия, свидетельствуя о смене социокультурных стереотипов. Будучи формой общения между учреждениями, не находящимися друг у друга в непосредственном подчинении и относящимися, как правило, к различным ведомствам, промемория отражала «горизонтальные» отношения в системе государственного управления и отличалась от других жанров двунаправленностью: промемория, инициирующая переписку, предполагала ответную промеморию. Единой, жанрово определяющей, стилистически и функционально маркирующей промемории на протяжении почти всего XVIII в. является формула резолюции, заключающая документ и содержащая в себе обязательный этикетный элемент (*да*) *благоволит* [11]; и о ведении в Удинск в канцелярию надворно' суд *да благоволит* синодалные каманды Троецкого м[о]н[а]стыря св[я]ты' отец архимандрить Мисаил *учинить* какъ Ея императорского величества указы повелевають [12].

Основной формой письменного обращения частных лиц к государственным структурам в XVIII в., как и в предыдущие века, остается челобитная. Однако при внешней традиционности челобитная получает совершенно иное оформление: трансформируются формулы обращения, просьбы, вассальной зависимости; в титуле монарха, на имя которого подавалось прошение, появляются этикетные средства, усиливающие модально-эмоциональный план просительного документа. Прежде всего вместо типичного для приказной челобитной обращения к верховному правителю на *ты* нормативным становится обращение к императору только на *вы* и с указанием титула «Ваше императорское величество». Формула обращения к императору и формула просьбы расцветается рядом этикетных эпитетов, которые уточняются с приходом к власти очередного преемника. Ср. из челобитной 1741 г.: Всепресветлейшиј державнейшиј великиј г[о]с[у]д[а]рь императоръ и самодержецъ всероссийскиј г[о]с[у]д[а]рь всемилостивейшиј бьет челомъ иркуцкой посадцкой Андрей Попов на иркуцкой посадцкой Ивана Тиунцова [10, с. 85]. Кардинально меняется формула просьбы. В приказной челобитной она, как известно, имела следующий вид: *Милосердый (милостивый) государь царь и великий князь ...всёя Руси (Великия и Малыя и Бёлыя России) самодержецъ пожалуй меня холопа своего вели государь челобитье мое записать* [13]. К середине XVIII в. данная формула разворачивается до структуры сложноподчинённого предложения с придаточным цели, которое выносится в препозицию и маркируется книжным союзом *дабы*, императивная же конструкция с глаголами в повелительном наклонении (*пожалуй, вели*) замещается индикативной конструкцией с перформативным глаголом *прошу*: *дабы высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было...(сыскать, допросить и т.д.) Всемилоостивейший (Всемилоостивейшая) государь (государыня) прошу Вашего Императорского Величества о сем моем прошении милостивое решение учинить* [14].

Таким образом, в официально-деловом языке XVIII в. создается широкий диапазон этикетных средств, ориентирующихся на новый социально-культурный контекст и позволяющих реализовать иллюкутивные цели деловой коммуникации. Этикетная маркированность формуляра ключевых документных жанров, обслуживающих вертикальные и горизонтальные официально-деловые отношения, свидетельствует о формировании своеобразной шкалы этикетности, которая определяется рядом параметров: объемом используемых языковых средств, их принадлежностью к разным уровням языка, соотношением традиционных приказных и инновационных элементов, использующихся для выражения этикетного общения. К формуляру с низким уровнем реализации этикетных средств может быть отнесен формуляр распорядительной документации, в частности указов и приказов. Инфинитивные конструкции, будучи доминирующей формой выражения приказа и не предполагающей специальных средств выражения вежливости, несомненно несут информацию этикетного характера, т.к. являются социально значимыми, свидетельствующими о присущей обществу культуре общения между вышестоящими и подчиненными лицами. Самый высокий уровень этикетности представлен в формуляре челобитных, что было обусловлено коммуникативной целью челобитной — обеспечить эффективность оформлявшегося на имя императора обращения частного лица с просьбой или жалобой в судебную инстанцию. Промежуточное положение занимали документы, обслуживающие официальные отношения ведомств и учреждений, непосредственно не подчиненных друг другу. Особая роль в разработке этикета в данной области принадлежит промемории, одному из первых жанров, обслуживающих «горизонтальные» деловые сношения.

1. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: «ИКАР», 2007. С. 390.
2. Рябова М.Ю. Категория вежливости в этикетной коммуникации: семантика изменения // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3. С. 133. doi: 10.17238/issn2227-6564.2016.3.131
3. Шмелев А.Д. Русский этикет и культурные скрипты: константы и переменные // Ритуал в языке и коммуникации: сб. статей / Сост. и отв. ред. Л.Л.Федорова. М.: Знак; РГГУ, 2013. С. 35.
4. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак, 2009. С. 112-113.
5. Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII веков. М.: Школа «Языки русской культуры», 2004. С. 13.

6. Полное собрание законов Российской империи: В 45 т. Т. VI. № 3890. СПб., 1830. С. 486-493 [Электр. ресурс]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.htm (дата обращения: 13.06.2019).
7. Довгий О.Л. История употребления ты и вы // Русская речь. 2015. № 3. С. 91-95.
8. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I (1688—1701). С.-Петербург: Государственная типография, 1887. С. 19-20.
9. Майоров А.П. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. С. 300-301.
10. Памятники забайкальской деловой письменности XVIII в. / Под ред. А.П.Майорова; сост. А.П.Майоров, С.В.Русанова. Улан-Удэ, 2005. С. 35.
11. Русанова С.В. Глагол благоволить в региональном тексте промемории XVIII века и в словаре (на материале забайкальской деловой письменности) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3(45). С. 188-189.
12. Национальный архив Республики Бурятия. Ф. 262. Оп. 1. Д. 3. Л. 258 об.
13. Майоров А.П. Русские челобитные XVII века. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 1998. 45 с.
14. Русанова С.В. Промемория в региональном делопроизводстве XVIII в.: функциональная направленность и жанровая специфика // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2015. № 2. С. 153-164.

References

1. Formanovskaya N.I. Rechevoe vzaimodeystvie: kommunikatsiya i pragmatika [Speech interaction: communication and pragmatics]. Moscow, 2007, p. 390.
2. Ryabova M.Yu. Kategoriya veshlivosti v etiketnoy kommunikatsii: semantika izmeneniya [The category of politeness in etiquette communication: semantics of apology]. Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2016, no. 3, p. 133. doi: 10.17238/issn2227-6564.2016.3.131
3. Shmelev A.D. Russkiy etiket i kul'turnye skripty: konstanty i peremennyye [Russian etiquette and cultural scripts: constants and variables]. In: Fedorova L.L., ed. Coll. of papers "Ritual v yazyke i kommunikatsii". Moscow, 2013, p. 35.
4. Krongauz M.A. Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva [Russian language on the verge of a nervous breakdown]. Moscow, 2009, pp. 112-113.
5. Zhivov V.M. Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka XVII—XVIII vekov [Sketches of historical morphology of Russian of the 17th—18th centuries]. Moscow, 2004, p. 13.
6. Complete collection of laws of the Russian Empire in 45 vols, vol. VI, no. 3890. Saint Petersburg, 1830, pp. 486-493. Available at: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.htm (accessed: 13.06.2019).
7. Dovgiy O.L. Istoriya upotrebleniya ty i vy [Use history of ty and vy]. Russkaya rech', 2015, no. 3, pp. 91-95.
8. Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikago. T. I (1688—1701) [Letters and papers of the emperor Pyotr Velikiy]. Saint Petersburg, 1887, pp. 19-20.
9. Mayorov A.P. Slovar' russkogo yazyka XVIII veka: Vostochnaya Sibir'. Zabaykal'e [Dictionary of Russian of the 18th century: Eastern Siberia. Transbaikalia]. Moscow, 2011, pp. 300-301.
10. Mayorov A.P. (ed.), Rusanova S.V. (comp.). Pamyatniki zabaykal'skoy delovoy pis'mennosti XVIII v. [Monuments to the Transbaikalian business writing of the 18th century]. Ulan-Ude, 2005, p. 35.
11. Rusanova S.V. Glagol blagovolit' v regional'nom tekste promemorii XVIII veka i v slovare (na materiale zabaykal'skoy delovoy pis'mennosti) [The verb to have a kind feeling in the regional text of a promemoria of the 18th century and in the dictionary (on material of the Transbaikalian business writing)]. Problemy istorii, filologii, kul'tury, 2014, no. 3(45), pp. 188-189.
12. Natsional'nyy arkhiv Respubliki Buryatiya [National archive of the Republic of Buryatia]. F. 262, Op. 1, D. 3, L. 258 ob.
13. Mayorov A.P. Russkie chelobitnye XVII veka [Russian petitions of the 17th century]. Ulan-Ude, 1998. 45 p.
14. Rusanova S.V. Promemoriya v regional'nom deloproizvodstve XVIII v.: funktsional'naya napravlennost' i zhanrovaya spetsifika [Promemoria in regional office-work of the 18th century: functional orientation and genre specifics]. Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. 9: Filologiya, 2015, no. 2, pp. 153-164.

Rusanova S.V. Speech etiquette of written business communication of the 18th century as linguocultural phenomenon and object of scientific studying. The article deals with the problem of speech etiquette as manifestation of politeness in the diachronic aspect. Speech etiquette norms in the business language of the 18th century are investigated associated with Peter's reforms which are preconditioned by the creation of a new cultural and linguistic environment. The expansion of the range of etiquette means usually occurs in the course of intensive development of the language and variations in the linguistic landscape caused by major transformations in the state structure and all spheres of social activity. Special attention is paid to the issues of consistency and innovations in the field of business speech etiquette. Intensive changes in such discourse result in further transformation of norms and form a scale of etiquette language means, marking the "horizontal" and "vertical" business relations.

Keywords: speech etiquette, speech formulae, business language, business communication of the 18th century.

Сведения об авторе. Светлана Владимировна Русанова — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии; Новосибирский государственный технический университет, факультет гуманитарного образования, rusanova_7@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.11.2019. Принята к публикации 30.11.2019.